

Аромат говяжьего супа властно заполнил всю комнату. Гун Цзю, собиравшийся было отказаться, заметил, как взгляд Ань Ланя неотрывно следует за пиалой, и на его губах появилась лёгкая улыбка. Под восторженным взглядом сестры он принял угощение.

Девушку тоже звали Ньюжоутан, и говяжий суп, приготовленный ею, был, разумеется, бесподобен. Однако этот уединённый остров, затерянный в море, никогда не испытывал недостатка в изысканных яствах, а молодой господин Цзю не был гурманом, поэтому кулинарные таланты сестры его мало интересовали.

К тому же, стоило ему похвалить её хоть раз, как Ньюжоутан, воодушевлённая, начинала готовить ему говядину трижды в день, а он вовсе не желал, чтобы в ближайшие дни его стол был заставлен одним и тем же блюдом.

Однако под жадным взглядом Ань Ланя он передумал. Насыщенный, ароматный бульон оставил на губах приятное послевкусие, а идеально протушенная говядина таяла во рту. И всё это — под аккомпанемент двух жалобных, полных зависти глаз...

Гун Цзю с изящной медлительностью, неторопливо смаковал каждый кусочек.

Ань Лань, вдыхая аромат, нерешительно топтался на месте. Уйти — не хватало сил, оставаться — было мучительно. Юноша не видел в поведении собеседника ничего дурного, просто голод становился невыносимым.

Он бессознательно ковырял ногтями дверной косяк, оставляя на гладком дереве уродливые выбоины. Казалось, он сглотнул уже целую чашку слюны, прежде чем Гун Цзю наконец закончил свою трапезу.

На его губах играла едва заметная, почти неуловимая улыбка, словно он был в высшей степени доволен супом. Девушка, стоявшая рядом, смотрела на него как заворожённая.

«Почему братец Цзю сегодня кажется особенно красивым?..»

Лицо было всё тем же, знакомым, но в нём появилось нечто притягательное, от чего невозможно было отвести взгляд. Казалось, каждый волосок на его голове светился, заставляя смотреть ещё и ещё, пока невольно не впадаешь в оцепенение.

— На что ты смотришь?

Такой откровенный взгляд проигнорировал бы только мертвец. Гун Цзю поднял глаза на сестру.

Нюжоутан тут же очнулась, но ничуть не смутилась. Разве не естественно восхищаться таким братом — красивым, как нефрит, величественным, как дракон и феникс, гениальным от природы?

Единственное, что её злило, — это мысль о том, что такой замечательный мужчина достался той высокомерной, неблагодарной женщине, которая никого, кроме себя, не замечала.

Она немного подумала, затем взяла брата за руку.

— Братец Цзю, когда ты в этот раз покинешь остров, возьмёшь меня с собой?

— Нет.

— Я не была с тобой за пределами острова уже два года, — пожаловалась Нюжоутан.

Выражение его лица осталось непроницаемым.

— Опять хочешь доставить мне хлопот?

Девушка тут же умолкла и под его спокойным, глубоким взглядом смущённо отступила.

Но обида всё же осталась. Она с досадой отвела глаза и тут же заметила стоящего в дверях Ань Ланя. Её тонкие брови взлетели вверх.

— Чего смотришь? Почему ты всё ещё здесь? — громко спросила она.

На редкость, это была фраза, которую он понял полностью. Ань Лань с невинным видом посмотрел на собеседницу и растерянно ответил:

— Я всё время... был здесь.

— Я сказала тебе убираться, не понял? — холодно бросила Нюжоутан.

«Сказала мне что?»

Ань Лань окончательно растерялся и инстинктивно перевёл вопросительный взгляд на Гун Цзю.

Тот поманил его рукой.

Ань Лань, уже привыкший к этому жесту, тут же подошёл.

Гун Цзю взял его за руку, потрогал ногти, оставшиеся целыми и невредимыми после того, как тот испортил дверной косяк, и равнодушно объявил сестре:

— Отныне он будет со мной.

— Он? — взгляд Ньюжоутан стал ещё более враждебным.

Юноша попытался отдернуть руку, опасаясь случайно ранить своего нового друга.

— По крайней мере, он послушнее тебя.

Услышав это, девушка смерила Ань Ланя презрительным взглядом.

— Что толку в послушании? Собаки тоже послушны.

Гун Цзю усмехнулся.

— Кажется, ты очень недовольна моим решением.

Ньюжоутан похолодела и не посмела больше ничего сказать. Хотя он был её родным братом, она восхищалась им и зависела от него, но в то же время боялась и трепетала перед ним.

Даже для неё, самой близкой ему сестры, Гун Цзю был непостижимым и ужасающим человеком.

Словно всемогущее божество и в то же время безумное, искажённое чудовище.

— Ладно, — смягчился мужчина. — Когда я вернусь, привезу тебе подарок.

Ньюжоутан быстро сменила выражение лица, послушно кивнула, затем собрала посуду и ушла.

Когда она покинула комнату, в ней снова остались только двое. Гун Цзю несколько мгновений поигрывал рукой Ань Ланя с насмешливым выражением.

— Хоть и дурачок, а когти острые.

Не получив ответа, он поднял глаза и увидел непонимающее лицо юноши. Внезапно ему стало

скучно. Разговоры с тем, кто не понимает человеческой речи, были утомительны.

Потеряв интерес, Гун Цзю не стал задерживаться. Он приказал слугам продолжать учить Ань Ланя грамоте и говорить, а сам ушёл.

Ань Ланя снова усадили за стол. Он заметил, что взгляды двух служанок изменились, в них появился странный страх.

— Вы... боитесь меня? — с любопытством спросил он.

Служанки замерли, переглянулись и не знали, что ответить. Они не понимали, какой ответ удовлетворит их подопечного.

Им приходилось быть предельно осторожными. Гун Цзю был непредсказуемым и ужасным человеком, и люди из его окружения тоже часто отличались странностями и, без исключения, жестокостью. Появление Ань Ланя было подобно тому, как в стаю шакалов попадает белый, пушистый щенок.

Однако, как оказалось, обычные люди не могли привлечь внимание молодого господина Цзю... Одна из служанок почувствовала, как рана на её голове заныла ещё сильнее.

Их молчание юноша воспринял как подтверждение. Он закусил ноготь, ломая голову над тем, что же он сделал не так, и наконец осторожно спросил:

— Но почему?

«Я ведь так хотел подружиться с людьми!»

Глядя на его прекрасное лицо, на котором от взгляда до выражения читались лишь неподдельная невинность и растерянность, женщины почувствовали, как по спине пробегает холодок.

Наконец одна из них придумала, как отвлечь его. Она заставила себя улыбнуться и тихим, вкрадчивым голосом сказала:

— Я приготовила пирожные и ароматный чай. Не хотите ли отведать, молодой господин?

Услышав о еде, Ань Лань тут же отвлекся. Его глаза заблестели от предвкушения, и он энергично закивал.

«Люди такие прожорливые! Едят по несколько раз в день, и всё время разное. В море я ел раз в

день, а иногда, если не попадалась подходящая добыча, и раз в несколько дней. Но мне это очень нравится»

Пока Ань Лань наслаждался сладкими пирожными, служанки успели прийти в себя. По крайней мере, внешне они были совершенно спокойны. Юноша, к их облегчению, был полностью поглощён вкусом десерта и больше не возвращался к своему вопросу.

Последующие занятия прошли с большим усердием. Увлёкшись, Ань Лань даже загорелся идеей петь на человеческом языке, особенно несколько новых песен, которые он недавно сочинил. Ему казалось, что на человеческом языке они будут звучать интереснее.

Человеческая еда, человеческий язык — идеальное сочетание.

— Золотое §&#... солнца §&%... □# сердце #*...

Под красноречивыми взглядами двух служанок Ань Лань взволнованно напевал мелодию новой песни. Поскольку его словарный запас был ещё невелик, ему приходилось смешивать человеческий язык со своим родным.

Для служанок это звучало как невнятное бормотание с неправильным произношением. Если бы это услышал хозяин острова, он бы, скорее всего, обвинил их в некомпетентности: не научили, а испортили.

Они тут же тактично прервали его пение и с удвоенным усердием принялись исправлять его произношение. Незаметно наступил вечер.

Как только одна из них зажгла свечи, Ань Лань посмотрел на небо за окном, решительно закрыл книгу и отодвинул её в сторону.

— Стемнело.

Он повернулся к служанкам и, видя, что они не двигаются, удивлённо склонил голову набок.

— Стемнело, почему вы не уходите? Неужели люди — ночные существа?

Служанки поспешно замотали головами. Они уже раз проявили снисходительность к Ань Ланю и навлекли на себя гнев Гун Цзю. Второй раз они такой ошибки не допустят. Женщины были готовы не спускать с него глаз ни на минуту.

Ань Лань нахмурился.

— Но уже темно... мне пора спать.

Русалы не были ночными существами. Если не случалось ничего непредвиденного, с заходом солнца и наступлением темноты в океане они возвращались в свои жилища и засыпали, чтобы проснуться с первыми лучами рассвета. Если бы не его тайные наблюдения за Гун Цзю, он бы никогда не вышел на сушу посреди ночи.

Две служанки посмотрели на небо, где ещё алела последняя полоска заката, и не могли поверить своим ушам.

— Молодой господин, вы так рано ложитесь спать?

Даже простые люди, изнурённые дневным трудом, не ложились спать сразу после захода солнца.

— Рано? — Ань Лань посмотрел на них со странным выражением, в котором читалось некое благоговение.

Все существа, которых он знал, либо бодрствовали днём и спали ночью, либо наоборот. Люди же были настолько выносливы... Неудивительно, что они могли убивать драконов.

Они смотрели друг на друга с полным непониманием. Убедившись, что Ань Лань действительно собирается спать, служанки, подчиняясь его воле, помогли ему умыться и, проводив его взглядом до самой подушки, на которую он тут же опустил и заснул, с тяжёлым сердцем вышли из комнаты.

Ань Лань спал, но для них время отдыха ещё не настало. Им оставалось лишь стоять у двери и смотреть, как на острове один за другим зажигаются огни.

Следующие несколько дней Ань Лань провёл в том же ритме: ел, учился говорить и читать, а затем рано ложился спать.

Только вот Гун Цзю он больше не видел. Казалось, тот совсем о нём забыл.

На шестой день вечером Ань Лань, по обыкновению, рано умылся и лёг в постель. Снаружи только зажигались огни, и ночь едва вступала в свои права.

Гун Цзю медленно шёл по коридору, увешанному фонарями. За ним следовали двое, неся сундук. Среди ярких огней лишь комната Ань Ланя тонула во мраке, что, естественно, привлекло внимание мужчины.

— Где он? — спросил он двух служанок, добросовестно стоявших на страже у двери.

— Молодой господин лёг спать, как только зашло солнце, — не посмели солгать служанки.

Гун Цзю помолчал мгновение, затем низким голосом приказал:

— Разбудите его.

На этом острове, за исключением Маленького старика, слово Гун Цзю было законом, не требующим ни объяснений, ни возражений. Служанки тут же вошли в комнату и силой разбудили Ань Ланя.

Сонный и растерянный, Ань Лань, узнав причину своего пробуждения, схватил подушку и побежал в соседние покои. Он уже собирался ворваться внутрь с гневными упрёками, как густой аромат, доносившийся из комнаты, заставил его замереть на пороге.

Его едва не стошнило. Юноша тут же пришёл в себя и поспешно отступил на несколько шагов.

Гун Цзю, видевший всё это: «...»

<http://bllate.org/book/16011/1569607>